

Стилистический потенциал форм множественного числа сингулятивов
(на материале татарских и русских текстов)

В этой статье попытаемся взглянуть на одну из универсальных языковых категорий – категорию числа – с точки зрения особенностей употребления числовых форм в текстовом поле татарских и русских авторов.

В татарском языке выражение значения множественного числа существительных осуществляется путем присоединения аффикса *-лар* к форме единственного числа, выраженной нулевой формой. Нулевая форма и форма с афф. *-лар* являются основными показателями категории числа существительного.

Как известно, в татарском языке аффикс множественного числа представлен в четырехвариантной форме. Прибавление того или иного аффикса зависит от того, на какой звук оканчивается основа существительного (*-лар* / *-ләр*, *-нар* / *-нәр*).

Следует напомнить, что по отношению к категории числа все существительные в абсолютном большинстве языков обычно подразделяются на исчисляемые и неисчисляемые. Понятие числа логически применимо лишь к конкретным нарицательным существительным, допускающим возможность счета. Существительные, обозначающие отвлеченные понятия, вещества, уникальные предметы, являются неисчисляемыми. Иначе говоря, логически понятие числа для них неприменимо. Однако в речи практически почти все существительные, независимо от их содержания, могут употребляться в соотносительных формах числа. Тенденция к распространению форм числа на все семантические разряды существительных в современном татарском языке отмечается многими лингвистами¹.

Грамматическая оппозиция единственность-множественность четко проявляется в именах существительных, обозначающих считаемые предметы. В этом случае в собственно количественном противопоставлении предметов и явлений формы ед. и мн. числа, объединенные в парадигмы словоизменения, сохраняют единство, целостность лексического значения слова. Иначе говоря, в этом противопоставлении категория числа проявляет собственно грамматический характер словоизменительной категории.

Существительные, обозначающие предметы, не считаемые и не сочетающиеся с количественными числительными, так называемые *singularia tantum*, в большинстве случаев употребляются только в ед. числе. Сюда относятся существительные: 1) вещественные: *шикәр* 'сахар'; 2) собирательные: *жәмәгатьчелек* 'общественность'; 3) отвлеченные: *үсеш* 'развитие'; 4) собственные: *Идел* 'Волга'²; 5) имена, обозначающие уникальные предметы, существующие в реальной действительности только в единственном экземпляре: *ай* 'луна'.

В современном русском языке только в форме единственного числа употребляются: 1) многие собирательные существительные: *листва*, *крестьянство*; 2) многие отвлеченные существительные: *беготня*, *резка*; 3) многие вещественные существительные: *капуста*, *мёд*; 4) многие собственные имена: *Россия*, *Ижевск*.

¹ Тумашева Д. Г. Хәзерге татар әдәби телә морфологиясе. Казан, 1964. Б. 7.

² Татарская грамматика. Морфология. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. Т. 2. С. 38–39.

Имена существительные, не изменяемые по числам, иногда рассматриваются как слова, находящиеся вне категории числа. Существование слов, имеющих только единственное или множественное число, отмечали в своих трудах по русскому языку ведущие лингвисты своего времени³.

В данной работе мы попытались проанализировать примеры, употребления слов *singularia tantum* в нехарактерной для них форме множественного числа. Такие словоформы были нами обнаружены в художественных текстах писателей-классиков татарской и русской литературы 20-го века, "носителей самых правильных форм выражения" мыслей на письме. Хотя есть случаи, когда эти исключительные формы проникали в прозу из живой разговорной речи, которая более легко раздвигает условные рамки языковых законов в силу своей грамматической некомпетентности. В процессе наших исследований были найдены примеры с множеством интереснейших словоупотреблений по исследуемой теме из произведений А. П. Чехова, Х. Туфана, А. Еники, С. Хакима, А. А. Блока, А. Т. Твардовского, И. А. Бунина, А. И. Куприна, А. Н. Толстого, Л. Андреева, Г. Ибрагимова, В. В. Маяковского, С. Есенина, Х. Такташа, В. Г. Короленко, М. Палей, А. Солженицына, Г. Щербаковой, Ю. В. Бондарева. Такой широкий спектр взятых для анализа произведений (проза и поэзия, литература XIX-го и XX-го века) объясняется тем, что примеры "необычного поведения" сингулятивов редки, и на основе текстов только одного автора или одного жанра невозможно рассмотреть все особенности использования этой группы слов в текстовом пространстве. Всего нами было собрано около 500 уникальных примеров из обоих языков.

Главная задача данного исследования состоит в том, чтобы выявить причины возникновения и существования в татарском и русском языках ненормированных форм существительных *singularia tantum* во мн. числе и проанализировать особенности функционирования этих форм в разносистемных татарском и русском языках.

В ходе наших исследований были применены следующие методы: историко-лингвистический, синхронно-описательный, сопоставительный и метод лингвистической интерпретации.

Рассмотрим часть проанализированных нами примеров.

И столько в сердце поместила, Что диву даваться до поры, Какие жесткие ему под силу Ему ознобы и жары ("За далью – даль")⁴. Она была для многих внове, Выдавших всякие жары, Всё, словом, было наготове Для перекрытья Ангары ("За далью – даль")⁵. Эсселәр дә сезне сукмадылар ("Ялчы да без булдык, рудачы да...")⁶.

По "Толковому словарю живого великорусского языка" В. И. Даля *жары* – это самое жаркое время года – конец июля, начало августа⁷. В "Словаре русского языка" С. И. Ожегова такое слово вовсе отсутствует⁸. Таким образом, можем сделать вывод, что *жары* – устаревшая форма. Но если внимательно

³ Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. С. 125; Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 69.

⁴ Твардовский А. Т. Избранные произведения. В 3 т. Поэмы. М.: Худож. лит. 1990. Т. 2. С. 316.

⁵ Там же. С. 338.

⁶ Туфан Хосон. Гүзөл гамь: Моңарчы басылмаган шыгырьләр. Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. Б. 58.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М.: Изд. иностранных и национальных словарей. 1956. Т. 1. С. 526–527.

⁸ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986. С. 163.

проанализируем приведенные словоформы, то обнаруживается, что в двух примерах *жары* входит в антонимические отношения с *зимы* и *ознобы*. Здесь немного искаженно, но сохраняется трактовка В. И. Даля, а в следующем примере выражение *всякие жары* подчеркивает четкую количественную характеристику данного явления. В татарском языке, как и в русском, употребление данной словоформы недопустимо по нормам языка. Здесь заметно влияние разговорной лексики, которая порой пренебрегает заданными установками. Следует заметить, что особую экспрессивную оценку несет категория интенсивности.

Нужно спать ложиться, а у них разговоры да смехи ("Унтер Пришибеев")⁹;
– *Хватит молотить! – оборвал его Кравчук. – Смехи всё!* ("Батальоны просят огня")¹⁰; *И в первой, и во второй звучали смехи свободных людей* ("Косточка авокадо")¹¹.

По языковым примерам авторов, в художественных текстах которых были зафиксированы данные ненормированные словоформы, можно проследить за тем, как формы слова *смехи* вели себя на протяжении целого века.

Первый пример обнаружен нами в творчестве А. П. Чехова, творившего во второй половине XIX-го века. Такая лексема встречается и в произведении Ю. В. Бондарева в середине XX-го века. И, наконец, в творчестве Галины Щербаковой – конец 90-х годов XX-го века имеет место то же слово *смехи*.

Анализ этих примеров позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, эта словоформа скорее всего возникла из-за использования его неграмотными людьми – персонажами произведений. Во-вторых, следует отметить, что зафиксирована только единственная форма *смехи* именительного падежа. Других падежных вариантов не найдено (скорее всего, их нет, так как они слишком необычны для слухового и зрительного восприятия). В-третьих, смысловой оттенок во всех случаях, на наш взгляд, связан с тем, что речь идет о совокупности людей, которые смеются по-разному, тем самым, можно предположить, что возникновение этой словоформы также связано с конкретизацией индивидуальной особенности производящего звук человека.

Других изменений в лексическом и семантическом аспектах в использовании таких слов не замечено. Но надо подчеркнуть то, что эта исключительная лексема не прекращает своего литературного существования в художественных произведениях. В повседневной разговорной речи же, по нашим наблюдениям, этот вариант отсутствует.

Аналогичное "поведение" отдельных лексем-существительных наблюдается и в татарском языке.

Кайчандыр, ак пәрделәр жилфердәшкән тәрәзәләр эченнән янгыраган дөртле тавышларын, шат көлүләрен, моңлы жырларын сөенә-сөенә тыңлый идек ("Мәк чөчөгө")¹².

Употребление во множественном числе слова *көлү* (*смех, смеяться*) весьма специфично с нескольких позиций. Во-первых, это слово подвержено

⁹ Чехов А. П. Повести и рассказы. М.: МИД, 2000. С. 68.

¹⁰ Бондарев Ю. В. Батальоны просят огня. Последние залпы: Повести. М.: Современник, 1984. С. 19.

¹¹ Щербакова Г. Косточка авокадо // Русская проза конца 20-го века: Хрестоматия для студ. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета; М.: Академия, 2002. С. 387.

¹² Еники Ә. Әсәрләр. 5 томда. Казан: Татар. кит. нәшр. 2000. Т. 1. Б. 58.

синкретизму, в нем сосредоточены признаки существительного и глагола (*смех и смеяться*). В нашем случае оно является глаголом, который опредмечивает процесс. Во-вторых, если проследить за логико-смысловой цепочкой, то сначала рассматривается само явление смеха, а затем опредмечивается как процесс и только тогда, повторяясь несколько раз в течение каких-то временных рамок, как бы перерастает во множественное число. Здесь проявляет себя и закономерность ряда однородных членов: *көлүлөр* употреблено во множественном числе в первую очередь с целью не нарушить синтагматический ряд слов: *тавышлар*. Автор этой словоформой поддерживает целостную контекстуальную картину. Это воспоминания персонажа о том, что было неоднократно. И тогда выстраивается логическая цепочка, которая объясняет то, что данный процесс происходил неоднократно. Как раз для доведения этой информации приходится нарушить языковую норму.

Обобщая вышесказанное, нужно отметить, что в процессе литературного развития языка привносятся существенные изменения в особенностях функционирования существительных sg. t. Тем самым возникает основа для внесения новых словоупотреблений в разряд языковой нормы.

В обоих языках есть обширная группа слов – это имена собственные, которые традиционно во множественном числе не употребляются. В ходе нашего исследования нами обнаружено большое количество примеров использования и онимов (антропонимов, ойконимов, гидронимов и т. д.) в художественных текстах. Например: "*Как вам фартило в Одессах?*" ("*Штабс-капитан Рыбников*")¹³. *Одессах* в этом случае не является обобщенным понятием. На самом деле Сенька Мясник из города Одессы. В этом случае можно предположить неграмотное употребление названия города во множественном числе самим автором данного высказывания – Блохой.

*Сибирь! Леса и горы скопом, Земли довольно, чтоб на ней Раздаться
вширь пяти Европам Со всею музыкой своей ("За далью – даль")*¹⁴.

В данном же случае "оправдать" употребление имени собственного во множественном числе можно тем, что есть числительное *пяти*, требующее за собой согласование существительного в числе.

В татарском языке образование мн. числа названий городов значительно проще и как бы не является аномальной формой. С точки зрения логики, это тоже исключительное словоупотребление.

"...Парижлар арьягына, Атнада житәчәк иден..." ("Ни булды бутен сиңа?")¹⁵; *"Житез алар — Мәскәүләрдә Декадада биерлек"* ("*Жанлы кошлар*")¹⁶; *"Вы все просто помешались на этих Византиях, Возрождениях..."* ("*Митина любовь*")¹⁷.

В реальности такие понятия, как *Византия, Возрождение*, не могут употребляться во множественном числе, так как они с исторической и логической точек зрения единственны в своем роде.

¹³ Куприн А. И. Собрание сочинений в 9-ти томах. М.: Худ. лит., 1970. Т. 2. С. 255.

¹⁴ Твардовский А. Т. Избранные произведения. В 3 т. Поэмы. М.: Худож. лит. 1990. Т. 2. С. 309.

¹⁵ Туфан Хосөв. Гүзөл гамь: Моңарчы басылмаган ыңгырылор. Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. Б. 55.

¹⁶ Там же. Б. 153.

¹⁷ Булин И. А. Собрание сочинений в девяти томах. М.: Художественная литература, 1966. Т. 2. С. 182.

Нами в текстах Х. Такташа был найден пример использования во мн. числе названия области России – Сибири: *Себерләрдә йөрде, Бывший офицер...* ("Давылдан соң")¹⁸. Х. Туфан употребляет во мн. числе название города Бонн: *...Ярсыган корпусларыңны Уздырып Боннар аша...* ("Ни булды бүген сиңа?")¹⁹.

Употребление во мн. числе названий планет, как нам думается, связано с тем, что именно в нашей стране человек впервые полетел в космос, тем самым, открыв путь к завоеванию космоса. Это породило новые лирические мотивы, которые и отразились в творчестве многих поэтов. "...*Марсларга китәр заманда...*" ("Хәлли Мәймуновичның калорияләр һәм калоритлар турында фәлсәфәсе")²⁰; "*Бу заманда бала күзе Марсларда, Айларда*" ("Ана кезе – балада...")²¹; "*Сүнми калган нурлы учаклар – Сириуслар, зре-вак йолдызлар*" ("Дәм караңгы галәм чүлендөгә...")²².

Планеты Марс, Луна и звезда Сириус – это космические объекты, единичные в сознании землян. Но Х. Туфан как бы нарушает языковые традиции, позволяя себе употребление этих названий во мн. числе. Подобно вышеприведенным примерам поэт использует словоформу имени *Вселенная*: "*Ничек?*" *белән "Нигә?" Уртасыннан Башланадыр гея Галәмнәр*" ("Дәм караңгы галәм чүлендөгә...")²³.

Слово *Галәм* – Вселенная и в русском, и татарском языках не может иметь мн. числа ни грамматически, ни логически. Но в этом случае оно используется весьма художественно. К слову, в немецком языке слово *Вселенная* – *All*, также не может иметь мн. числа и способно употребляться во мн. числе только контекстуально и индивидуально в творчестве той или иной личности.

Подытоживая все вышесказанное, можем констатировать, что язык (как русский, так и татарский) очень гибок, он стремится выразить как можно полнее все новые и новые оттенки значений. Для этого он выходит за границы языковых рамок, и возникает тенденция развития грамматической категории числа имени существительного в других направлениях. В татарском же языке практически любое имя существительное, вне зависимости от семантической группы, может употребляться в формах как единственного, так и множественного числа. Логическое, казалось бы, несоответствие некоторых форм, например, употребление слов *Камал*, *Казан* и др., которые обозначают исключительно уникальные и имеющиеся в одном экземпляре понятия и явления действительности, вполне оправдано в историко-литературном плане или в художественно-выразительном аспекте.

В процессе нашего исследования мы пришли к следующим выводам относительно причин появления исключительных словоформ sg. t.: 1) влияние разговорной речи, то есть проникновение в литературный язык через речь пер-

¹⁸ Такташ Х. Сайланма өсөрлөр. Шигырьләр һәм поэмалар. К.: Тат. кит. нәшр., 1963. Б. 111.

¹⁹ Туфан Хәсән. Гүзәл гамь: Моңарчы басылмаган шигырьләре. Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. Б. 56.

²⁰ Там же. Б. 148.

²¹ Там же. Б. 184.

²² Там же. Б. 184.

²³ Там же. Б. 125.

сонажей; 2) в поэтических текстах это может быть вызвано потребностью соответствия стихотворной рифме; 3) особенности стиля и языка автора (идио-стиль); 4) новые значения устаревших слов и их переосмысление в авторской переработке; 5) вполне вероятно, что сингулятивы употребляются во множественном числе для того, чтобы привлечь внимание читателя, слушателя нетрадиционной, необычной формой использования. Эти факты доказывают тенденции языка к установлению новых норм в употреблении некоторых слов-сингулятивов, которые не имели или не употреблялись во множественном числе, также свидетельствуют о тенденции к демократизации языка.